

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов IV (XVIII)
Международной конференции молодых ученых
(20–22 апреля 2017 г.)

Выпуск 18

Том 2. Литературоведение

Издательство Томского университета
2017

любовь. Муза в данном произведении воплощает психо-ментальное начало – психологию личности и её поэтический дар.

Стихотворение «Сельская муза» посвящено смерти Сергея Есенина (имеет соответствующий подзаголовок). Первые четыре строки повествуют о рождении музы. Автор сообщает о её народных корнях. Образ Есенина неразрывно связан с русской национальной поэзией. Образ музы снова антропоморфизируется. Представлены не только части её тела (бедовые голубые глаза, большая нежная рука, коса), одежда (сарафан, убор из коробейниковых бус), но и переживания. Стихотворение делится на две части. Первая (до многоточия) повествует о прошлом – становлении музы, вторая – о настоящем, смерти Есенина. Образ поэта-предшественника мыслится в контексте русской национальной поэзии вообще (воплощением которой стала муза), Есенин – её органическая часть. Поэтому смерть поэта прочитывается как великая утрата «близкого». Вторая часть демонстрирует ситуацию похорон русской национальной поэзией своего одного из самых лучших представителей.

Если в первом стихотворении Пушкин мыслится как инстанция, объёмлющая всё (образ поэта включает в себя образ музы), то образ Есенина осмысляется как часть истории русской лирики.

Обращение Ладинского к теме поэта и поэзии на примере трагических судеб А. С. Пушкина и С. А. Есенина закономерно. Восприятие творца как обречённого на одиночество, тяжёлый труд и непонимание характерно для его творчества.

Выделим изменения, которые претерпел образ музы А. Ладинского. Во-первых, он антропоморфизируется. Во-вторых, связь музы с небесным сохраняется (или утрачивается), но получает воплощение в элементах земного существования. Муза больше не богиня, она – спутница поэта. Само время, условия не позволяют ей «витать в облаках». Образ музы в лирике Ладинского воплощает поэтический дар и психо-ментальное начало в человеке.

---

¹ Коростелев О. А. Лирический театр Антонина Ладинского// Антонин Ладинский. Собрание Стихотворений.. Москва, 2008. – С. 7.

² Шокина О. Ю. Муза поэта. Образ Музы в творчестве А. С. Пушкина. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2001. – С 9.

Ворошилова Ю.А., студент

Voroshilova Y.A., a student

Концепты отрочества и юности в произведениях А. Платонова 1920-1930-х годов: «Происхождение мастера» и «на заре туманной юности»

Concepts of adolescence and youth in works by Andrey Platonov written in 1920–1930 years: «The origin of a master» and «at the dawn of a misty youth»

В статье рассматривается философия детства, отрочества и юности в прозе А.П. Платонова («Происхождение мастера» и «На заре туманной юности»). Детство и юность рассматриваются как периоды, формирующие человеческую личность. Сопоставление двух произведений позволяет выявить разные аспекты взросления, а также увидеть эволюцию важного для творчества Платонова мотива «отцы и дети» от конца 1920х годов к 1940-м.

The philosophy of childhood, adolescence and youth in the prose of Andrey Platonov (“The origin of a master” and “At the dawn of a misty youth”) is investigated in this article. Childhood and youth are investigated as periods which make a person. Comparison two works allows to reveal different aspects of maturity, and also to see evolution of the motive “parents and children” which is important for Platonov’s works from 1920s to 1940s.

Ключевые слова: А. Платонов, «Происхождение мастера», «На заре туманной юности», концепт детства, концепт юности.

Keywords: A. Platonov, «The origin of a master», «At the dawn of a misty youth», concept of childhood, concept of adolescence.

Научный руководитель: Дашевская Ольга Анатольевна, д-р филол.наук, профессор

Концепты отрочества и юности неразрывно связаны с философией детства, являются значимыми в творчестве А. Платонова, но в настоящее время недостаточно исследованы. Выбранные нами повесть «Происхождение мастера» (1927) и рассказ «На заре туманной юности» (1938) принадлежат к периоду, когда формировались ключевые идеи писателя; они вошли в состав более крупных текстов: в роман «Чевенгур» и в киносценарий «Неродная дочь».

Категории детства, отрочества и юности сопрягаются с ведущими концептами творчества Платонова. В понимании Платонова ребенок оказывается «веществом существования», связывающим всех людей в единое родство. «Вещество существования» – это универсальная энергия мироздания, которая может стучаться в предметы, окружающие нас.¹ И ребенку принадлежит мир, поскольку в жизни всегда господствует чистая, еще не рожденная мысль². *Отрочество и юность* же представляются как переходный период из детства во взрослый мир и включают в себя как элементы детского, так и элементы взрослого. Исходя из названий, слова «**происхождение**» и «**заря**» имеют коннотативы восхождения, идеи выхода в свет. Рассматриваемые нами концепты содержат такие ключевые для понимания творчества Платонова мотивы, как **мотив сиротства**, «**отцов и детей**» и **мотив наставничества**.

Тема сиротства в творчестве Платонова связана с философской идеей **Н. Фёдорова** о том, что осиротевший ребенок оказывается хранителем духовного наследия своих отцов, и его *долгом является возвращение их к жизни*. Взаимоотношения отцов и детей и наставничество проявляются как соприкосновение мира взрослых с миром детей.

В «Происхождении мастера» и в рассказе «На заре...» повествование начинается со смерти родителей главных героев. Саша Дванов появляется в повести

в сцене похорон его отца; рассказ «На заре туманной юности» начинается со слов: *«Родители ее (Оли) умерли от тифа...»*.³ Можно предположить, что это проявление общекультурного представления о цикличности жизни, и данное название произведений обозначает начало новой жизни (*«Опять надо жить!»*)⁴.

В каждом из произведений присутствует ситуация детского переживания потери родителей. Саша «тянется» к захороненному телу своего отца, и в этом проявляется другая часть философской идеи Н. Фёдорова, предполагающая слияние с «родным веществом», стремление к вечной жизни и идеальному миру, где все дети и их родители будут вместе. Оля в первые дни после смерти родителей последовательно проделывает будничные действия своей матери: убирается, стирает вещи, имитирует процесс приготовления пищи, ждет отца с работы и т.д. В этом повторении проявляется такое же стремление быть ближе к родителям, ощутить с ними чувство связи. Через собственное переживание оба героя стремятся сохранить память о своих родителях. Саша обещает отцу, что вернется к нему, а Оля направляется к своей родной тетке, что тоже проявляется как некое стремление к «воссоединению» с родным «веществом».

Главные герои имеют одинаковый возраст: Саше 11-12 лет, Оле 14 лет, они находятся в состоянии перехода из детства в отрочество и юность. Однако же, взрослея, оба по-разному приобщаются к социальной жизни: Саша с трудом входил в окружающую его социальную среду, он не находит близких людей. Оля же смогла влиться в ту среду, в которой ей пришлось оказаться, и нашла в ней своё место – интернат. Схоже и движение героев в пространстве: из топоса деревни в топос провинциального города, где постепенно они взрослеют. В финале произведений героям по 17 лет и оба они оказываются на границе перехода во взрослую жизнь: Саша записывается на фронт и уходит в «открытое безграничное» пространство. Об Оле говорится, что после предпринятой ею экстренной остановки поезда она *«стала жить и живет до сих пор»*.

И в «Происхождении мастера», и в рассказе «На заре туманной юности» происходит **замена родителей**, но совершенно по-разному. Саша не ищет замену своему отцу, однако приемные отцы находят его сами. Каждый из них принимает его к себе по разным причинам. Прохор Абрамович берет Сашу в свою семью, потому что в практически бесполезном существовании Прохора есть одна гарантия прочности жизни – дети: *«они <...> заставляли его пахать, заниматься домоводством и всячески заботиться»*⁵. Но Прохор Дванов не в состоянии нести ответственность за своих детей. В итоге он отправляет Сашу «в люди».

Захар Павлович принимает Сашу к себе потому, что под конец жизни он разочаровался в своей мечте о «машинном рае» и на смену этому пришла новая мечта о жизни-дружбе. Захар Павлович обзаводится домом, женой, приемным сыном, которого любит как родного, но всё равно Саша не отменит горького итога его жизни – *«он ничего не завоевал для оправдания своего ослабевшего тела, в котором напрасно билась какая-то главная сияющая сила»*⁶. Не сумев сам найти главную истину, он отправляет на её поиски Сашу.

Оля находит замену родителям не в семье своей родной тетки, а в общежитии, в общественной жизни, в лице «всех людей, которые её кормили и учили». Позже она сама заботится о чужом ребенке Юшке. Идея воскресения родителей присутствует в рассказе «На заре...» только лишь в виде ассоциации: «она теперь дорога и любима, <...> точно родители ее воскресли».⁷

Взрослый мир оказывается двойственным по отношению к героям: Саша долго оказывается в этом мире непринятым, а Оля в какие-то моменты своей жизни находит в этом мире защиту (ей помогают красноармейцы, её принимают в училище и в общежитие и т.д.). Когда учащимся задержали стипендии и перестали выдавать еду, Оля работает и ищет пропитание для себя и своей подруги, что можно истолковать как выполнение функции отца. Вместе с тем она выполняет и функцию матери, заботясь о ребенке Юшке.

Понятие воспитания и наставничества связано только с мужским началом, поскольку, по Платонову, именно отец духовно воспитывает и выводит ребенка в социальную жизнь. Оба героя проходят период своего взросления с любовью к механизмам и приобщением к работе с паровозами. Оля находила для себя наставников в лице эпизодического героя Ивана Подметко, который учил, как не надо работать на машине, и в образе Ленина: «она представила Ленина, как живого, главного отца для себя и для всех...»⁸. Увоенный от отца опыт в понимании машины приводит к тому, что в критической ситуации Оля практически неосознанно проявляет смелость и реализует навыки владения паровозом. Она своим «поступком» и поведением спасает жизни многих людей и переходит во «взрослый» мир.

Захар Павлович, став Саше приемным отцом, старается приобщить его к мастеровому делу. И всё же с его образом связано понятие «безотцовщины», как отсутствия социальной и духовной преемственности⁹, поскольку Захар Павлович не дал ему духовного воспитания в полной мере, потому что сам не нашел для себя «главной жизни». Саша идёт в открытый мир искать ответы на вопросы, которые были заданы его отцом всему его поколению.

Мотивы отрочества и юности развиваются во многих других произведениях писателя этих лет (роман «Счастливая Москва», пьеса «Отец-мать» и др.), они остаются ключевыми в киносценариях, прозе и драме 1940-х годов.

¹ Баршт К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова. СПб, 2000. – С. 3.

² Платонов А. П. Душа мира // Андрей Платонов. Сочинения. Т.1 М, 2004. – С. 47.

³ Платонов А. П. Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы. М, 2010. – С. 484

⁴ Там же. С. 484.

⁵ Платонов А. П. Чевенгур. М, 1991.– С. 39.

⁶ Там же. С. 76.

⁷ Там же. С. 496.

⁸ Платонов А. П. Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы. М, 2010. – С. 497.

⁹ Спиридонова И. А. Мотив сиротства в «Чевенгуре А. Платонова в свете христианской традиции. [Электронный ресурс] <http://cyberleninka.ru/article/n/motiv-sirotstva-v-chevengure-a-platonova-v-svete-hristianskoy-traditsii>.